

Наит Мерилион

Женщина-город

Путь по морю из Мэнгхилда до Кэритских островов занимал не больше четырех суток, но корабли упорно преодолевали его за пять или шесть в угоду страстному желанию моряков сделать небольшой крюк и задержаться в Гриддинге.

Отделившись от большой земли более трех веков назад, женщина-город неизменно стояла в двадцати милях на запад от главного торгового пути. Подобные города-бунтари с расшатанной нервной системой нередко уходили под воду через пару лет одиночества, затапливая все то живое и доверчивое, что веками жило и процветало на них. Но Гриддинг был одним из самых надежных городов для заселения. Вот уже три столетия Грид гордо стояла посреди морской пустыни, подставив мраморное лицо ласковым лучам и соленому ветру. Она не уходила под воду, не впадала в истерики, сотрясая землю, не отпугивала рыбу протяжным стоном изгнанницы. Она, бывшая столица Ратийской долины, покинувшая страну по политическим соображениями, теперь была лишь смиренной дочерью моря и неба, матерью тех, кто выстроил свои жилища на ее пышной скалистой юбке, и магнитом для художников, музыкантов, писателей, путешественников и кладоискателей со всего света.

В ночь с тридцать первого июля на первое августа трехмачтовый корабль «Нарцисс» отправился из гавани Мэнгхилда. Капитан желал покинуть большую землю как можно скорее, тем более пассажиры заплатили ему за ночное отплытие,

чтобы встретить рассвет, глядя на женщину-город. В пять утра «Нарцисс» замедлил ход: капитан знал, когда нужно сбросить скорость, чтобы можно было разглядеть лицо Грид и наслаждаться ее очаровательным утренним ритуалом. Будить пассажиров он приказал за час до рассвета и теперь стоял на палубе, угадывая в умирающей темноте очертания Грид.

— Ее уже можно разглядеть? Доброе утро.

Капитан неохотно оторвал взгляд от едва виднеющегося силуэта города и глянул на пассажира. В другой раз он бы молча отошел, не желая тратить слова попусту, но, узнав молодого человека, смягчился. Грид точно понравится новый гость. Это был известный на большой земле скрипач-виртуоз из Карьянга — города, что первым встречал восход солнца. И хотя капитан не имел никакого отношения к музыке, в его памяти запечатлелись афиши, пестревшие по всему Мэнгхилду. Вряд ли в Карьянге кого-то можно было удивить разрезом глаз, поэтому, должно быть, Ким Иль выкрасил себе волосы, украв у самой луны часть ее сияния.

— Вы к Грид с концертом или на отдых?

— Я бы хотел обосноваться здесь на какое-то время. Прежде я не бывал в Гриддинге, но весь мир твердит, что это лучший город для людей искусства, а я в последнее время страдаю от творческой пустоты. Думаю, Грид меня вдохновит, а я буду иметь честь порадовать Ее своей музыкой.

— Естественно, Грид вдохновит, разве может быть иначе? Ну все, смотри, сейчас начнется.

Взбурдаженная толпа, вооружившись биноклями, уже галдела на палубе.

Солнечные блики расплескались персиковым сиропом по дрожащей поверхности воды и застенчиво прикоснулись к каменному подолу Грид, окрасив нежно-розовым цветом крыши домов нижнего яруса.

Каждую ночь женщина-город укутывалась облаками и с восходом солнца отгоняла их прочь от города, чтобы наблюдать

за жизнью, размеренно текущей по ее платью. Рассвет неторопливо брел по витым улочкам все выше и выше, наслаждаясь красотой многоярусного города, целовал руки Грид, освещая ее хрупкие запястья и вплетая золотые лучи в выточенные небесным ваятелем тонкие пальцы.

— Зашевелилась! — выкрикнул кто-то из толпы, и Ким невольно подался вперед, жадно вглядываясь в каменное чудо, оживающее прямо на его глазах. От одного только пробуждения Грид Киму захотелось сотворить музыку.

Вот она подняла руки к сонным облакам, когда рассвет, обезумев, уже обнимал ее за белые плечи, и легким движением отогнала от себя небесные подушки, обнажив лицо. Ким прежде видел Грид на открытках и в исторических книжках, но живую ее красота оказалась холоднее, она пугала и отталкивала правильностью черт, строгим изгибом губ и в то же время притягивала к себе загадочной безмятежностью.

— Почему люди не выходят на улицы? Неужели им так приелось божественное зрелище? — удивлялся Ким, разглядывая запертые окна и двери домов, пустующий колизей, расположившийся на груди Грид, опоясывающую ее талию колоннаду, в которой гулял лишь ветер. — Если бы я жил здесь, я бы смотрел на Нее каждое утро, я бы вставал с рассветом...

— Подожди ты. Лучше просто смотри, — снисходительно ответил капитан.

Руки Грид потянулись к пришвартованному кораблю. Легко подхватив его под дно, она, к ужасу некоторых пассажиров, затопила посудину. Те, кто не первый раз наблюдал за Грид, усмехались, поглядывая на неопытных зрителей. Через несколько минут кораблик в руке каменной богини взмыл высоко вверх и обрушил на город соленый душ.

Зачарованные зрелищем пассажиры наблюдали, как по распущенным волосам стекали потоки воды, собираясь в маленькие озера в ямках ключиц, как искрились застывшие капли на ее груди. Еще несколько раз посудина погружалась в воду

и поднималась высоко в небо, омывая город, прежде чем Грид, глубоко вздохнув, собрала волосы в высокий пучок, открыв длинную шею зарождающемуся дню.

— Когда Она откроет глаза? — нетерпеливо спросил Ким.

— Не скоро, может через полчаса, когда мы уже причалим к пристани.

— Она продолжает спать?

— Молится, наверное.

Ким прекрасно знал об условиях знакомства с городами: Инсбургу, Тальяде, Клейтенгу и многим другим он был представлен мэрами. Но сейчас ему нестерпимо захотелось нарушить правила и заставить Грид открыть глаза.

Мостик пустовал, и Ким, прихватив скрипку, бросился на него, пока плененные зрелищем люди застыли на палубе. Он мог начать играть и там, стоя среди них, но ему захотелось быть чуть ближе к Грид и немного выше остальных.

Все эти нежные вступления, бережное касание смычка струн, чтобы настроить слух зрителя, постепенно подвести его к кульминации, — все это было пресно, скучно, убого для подобного случая. Ким обрушился на Грид музыкой летней грозы, вдохновленный ее движениями.

Только бы Она не была глухая.

Одна ее бровь изумленно изогнулась, уголки губ поползли вниз, точно у злой карнавальной маски. Она склонила голову набок, упорно не желая открывать глаза.

«Не упрямясь, Грид, подари мне свой взгляд вне рамок и правил», — яростно требовала скрипка в руках Кима, выпуская в воздух вихри стремительных нот, острых, высоких и низких. Они кружились в пустующей колоннаде, взбегали вверх по лестницам, перескакивали с крыши на крышу, тревожили озера в ямках ключиц и ворошили ресницы.

Только бы Она не была глухая.

И Грид открыла глаза — черные бездонные дыры, вмиг поглотившие всю музыку и заставившие Кима выронить смычок из рук.

— Зря ты так, парень. Я же тебе говорил, что она молится, — только и сказал капитан, когда Ким, едва дыша, спустился с мостика. — А играешь ты годно, с этим не поспоришь.

Тем временем Грид притягивала к себе наполненные гневом тучи, и уже через час город накрыло проливным дождем. Теперь о приезде и наглости скрипача знал весь Гриддинг.

Ким приготовился выждать несколько дней, пока богиня сменит гнев на милость, но Грид оказалась куда более отходчивой, и к полудню дождь закончился, позволив жителям города выбраться из вынужденного заточения.

Приправленные новыми подробностями слухи о дерзком скрипаче подавали на открытых террасах уличных кафе вместе с вином и устрицами. Уже говорили о неестественных белых волосах Кима, насмехаясь над столь женственным поступком, рассуждали о мудрости и учтивости восточного народа, упоминая Кима в качестве паршивой овцы.

И, конечно, единственным из прибывших гостей, кто не удостоился чести быть представленным Грид, был скрипач. Но Ким не отчаивался, обед он заказал в номер и не покидал гостиницу до тех пор, пока летняя ночь не пролилась на город, закрасив опустевшие переулки густой чернотой и наполнив воздух прохладой и стрекотом цикад.

Грид, конечно, не желала его видеть, и будить ее в очередной раз было не самой разумной идеей, но Ким шел не с пустыми руками. И чем больше он набирал высоту, преодолевая лестницу за лестницей, тем туманнее становилось вокруг. Он едва различал застывшие в беззвучном зевке арки амфитеатра, дорисовывал в воображении линии чопорного собора. Последние пятьдесят ступеней пришлось проходить вцепившись в перила, когда Ким заметил мелькающих в тумане люмусов Гриддинга. Маленькие крылатые львы (встань один такой на задние лапы, едва бы достал Киму до колена) грациозно прохаживались по балюстрадам, сверкая пушистыми гривами, и настороженно наблюдали за чужаком.

Со стариком Карьянгом было так же, зеленые люмусы — явный признак бессонной ночи города. Только на родине Кима они были драконами с искрящейся чешуей, длинными хвостами и рогатыми головами. Одного такого Ким однажды почти приручил.

«Зачем явился?» — отдалось холодом где-то в затылке.

Грид решила поговорить с ним не по-человечески, внедрив в его мозг свой вопрос. Города делали так, когда сердились, и это был второй раз в жизни Кима.

— Принес послание от Карьянга. Я знаю, что приносить такие вещи нужно без свидетелей, по политическим соображениям.

«Это «по политическим соображениям» ты посмел осквернить мое утро?»

— За это прошу прощения. Я не сдержался, увидев Вас.

Ким знал, что города любят честные ответы. Люмусы замерли, а их зеленые огненные гривы стали еще больше.

«Оставь послание прямо здесь», — ответила Грид, ввинчивая приказание в голову Кима.

— Я не могу положить сакральное послание себе под ноги.

«Сакральным было мое утро, которое ты осквернил своим неуместным скрипом. Либо оставляй послание так, либо завтра же ты покинешь Гриддинг».

Будь это другой город, Ким предпочел бы покинуть его, но обстоятельства требовали его присутствия, и, почти ощущая физическую боль от своего поступка, он положил священный цилиндр себе под ноги.

«Уходи».

— Могу я завтра сыграть Вам?

Гривы львят стали приобретать красные оттенки — терпение Грид на исходе.

— Я утратил страсть к музыке... А что может быть хуже, чем потерять свое предназначение? Смысл жизни? Я приехал к Вам, чтобы найти вдохновение, и только увидев, как Вы

просыпаетесь, почувствовал небывалую жажду творчества. Поистине, Гриддинг — самый красивый город.

Слово «предназначение» Ким вплеп в свою речь не просто так. Разве не отозвалась бы его боль в сердце бывшей столицы?

Один из люмусов вспыхнул ярко-красным, шерсть на загровке вздыбилась.

— Простите мне мою несдержанность, я не буду играть, пока Вы не позволите...

Старик Карьянг не раз напоминал Киму о смирении, о том, что восточные города предпочитают послушных граждан, познавших мудрость и покой. Грид же была западным городом, она могла предпочесть кого угодно, и Ким решил быть разным.

Вот уже пять дней после дерзкого появления в городе и ночной встречи Ким безвылазно сидел в гостинице, не при-трагиваясь к инструменту. Расчет оказался верным: на шестую ночь в окно комнаты залетел люмус — Грид требовала подняться.

Собираясь на разговор, Ким преднамеренно не взял скрипку с собой.

— Ни за что не поверю, что тебя воспитал Карьянг, — холодно поприветствовала скрипача Грид.

Отражался ли ее голос от стен ратуши или им говорил один из люмусов — этого Ким определить не мог, одно он знал точно: города умеют разговаривать так, чтобы слышать их мог лишь выбранный ими человек. И Грид специально пригласила его ночью, чтобы он стоял, ослепленный мраком, и не мог разглядеть ее очертаний.

— Знаю, ты даже не выходишь из своего номера. Что же так? Приехал вдохновляться, говоришь?

— Не могу простить себе. Оскорбил Вас...

— Карьянг передал мне послание, и в нем было кое-что про тебя...

Ким сложил руки на манер всех жителей восточных городов и опустил голову.

— Расскажи, скрипач, как так получилось, что тебя воспитал город?

Гривы люмусов заиграли всеми оттенками голубого — Грид была откровенно заинтересована.

— Вы видели, Грид, как выглядит Карьянг? Помните чаши в его руках, на коленях и возле ступней? Вот я родился в деревушке на самой верхней чаше.

— То, что видела я, отличается от того, как город видит человек, родившийся и выросший в нем, а в особенности воспитанный им.

Подробности — вот, что любили все города без исключения. Помнится, отец говорил Киму: «А теперь вернись к самому началу и расскажи так, чтобы я увидел это вместе с тобой». И Ким мог часами рассказывать Карьянгу о своих многочисленных путешествиях. Казалось, это у него в крови.

— За последние десять лет я исколесил полсвета, повидал множество городов, но ни один не был так величественен и мудр, как мой отец. Карьянг — один из самых высоких городов мира, а ведь он сидит, скрестив ноги. Сердце сжимается, если представить, на какой высоте мы окажемся, встань он в полный рост, подмяв одной своей тенью другие города. Но ему это не нужно, он сидит, полный умиротворения, и жизнь на нем течет... — Ким замешкался, подбирая нужное слово, — я бы сказал, анданте¹. Не все восточные города соблюдают структуру Праны, но только не отец. Основная часть города расположена в колыбели сплетенных ног: там самое большое скопление жилых и работных домов², больниц. Пояс города украшают изумрудные каскады рисовых полей и многочисленные желтые террасы зажиточных карьянгцев. Чуть выше раскинулся пестрый императорский дворец, окруженный дивными садами.

¹ Andante (анданте) — умеренно (муз. термин)

² Работный дом — благотворительное учреждение с предоставлением нуждающимся проживания и работы

— Я думала, императорский дворец должен занять место выше живота, — усмехнулась Грид.

— Это противоречит структуре Праны. Однако многие города идут на уступки местной знати и позволяют ей забраться себе на шею. Карьянг не такой. Император — лишь символ власти, ее человеческое лицо, а все решения остаются за моим отцом. — Ким даже не подумал скрыть гордость за старика. — У сердца он держит приюты, храмы, алтари. И если в императорский дворец попасть можно только по приглашению, то к сердцу Карьянга прийти может каждый житель в любое время суток.

— Я бы не допускала к сердцу каждого жителя, — холодно отозвалась Грид.

— При всем уважении, в этом разница между востоком и западом.

— Я бы не делила мир по сторонам света, скрипач. Слишком узко мыслишь. Впрочем, по-человечески.

Люмусы переминались с лапы на лапу, перелетали на крыльях с перил на ступени лестницы, прятались в темной траве. Ким на глаз определил, что голубых еще в достатке, а значит, Грид по-прежнему желает услышать продолжение.

— Шею Карьянга украшает золотая звезда, и на ее лучах все: университеты, академии, театры, музеи, панорамные балконы для вдохновения художников. Одним словом, у него на шее — маленькая Грид.

Гривы люмусов погасли в один миг, и Ким оказался в крошечной тьме. Даже цикады замолкли... Карьянг никогда не гасил своих люмусов, ни один из городов не гасил их так резко. Ким не мог предугадать, что именно значил этот страшный жест, но решился продолжить историю, сделав вид, что все в порядке.

— Я... остановился на чашах, кажется. Карьянг держит две чаши в ладонях, две стоят на его коленях, и две — у подножия. Ради справедливости каждые пять лет отец меняет все чаши местами. Те, что были на руках, опускаются к ступням,

а четыре других занимают положение выше. Так что каждая пара получает свою порцию солнечного внимания города. Я родился в одной деревушке в год, когда моя чаша только поднялась на ладонь Карьянга. Отец всегда пристальнее следит за теми чашами, что на руках, и мое рождение не прошло незамеченным так же, как и последующие пять лет жизни. А потом мы оказались у подножия.

Прямо возле Кима зажегся люмус, грива вспыхнула голубым.

— Обстоятельства так сложились... Раньше подобного не случалось: в тот год на нашу чашу напали кочевники. Их было много, они долго брели из какого-то города, охваченного лихорадкой. Они были агрессивные, голодные и, конечно, жаждали крови. Одним словом, кочевники... заставили меня назвать очередность смертей каждого жителя деревни. И родителей... и братьев, и сестер... Всех. Я всем выдал смертельные номера. Сто двадцать четыре проклятых номера...

— И Карьянг этого не видел?

— Была туманная ночь, он не видел того, что происходит, но почувствовал пожарище ступней. Тогда отряд императора спустился в низину, но слишком поздно. Деревня была разграблена и опустошена, оставили в живых только меня, чтобы я рассказал о случившемся, но лучше всего за меня говорили мои поседевшие волосы.

— Вот оно что... — Грид зажгла люмусов спокойным желтым, чтобы вытащить Кима из темноты.

— Народ стал страшиться оказаться на чашах у ног Карьянга. Пошли многочисленные переселения, беспорядки, изнурительные дебаты. Людей было слишком много, распределение по чашам всех держало в балансе. Но кочевники его нарушили... Меня определили в сиротский дом. Так бы и воспитали меня там, если бы я не заболел местной легендой. У каждого города есть такая...

— Вот как? Должно быть, легенда о сердце города?

— Именно. Жители всегда чувствуют, где именно спрятано сердце их города. У Карьянга оно таилось в одном из храмов. И каждое утро я ходил туда, пока все еще спали. Я просил Карьянга стать моим отцом, взять меня на воспитание.

— Почему другие дети не догадались повернуть это? — усмехнулась Грид.

— Другие дети не выдавали своим родным смертельные номера. Я хотел, чтобы меня воспитал кто-то вечный. Тот, кого я никогда не потеряю.

— И Карьянг, конечно же, сжалился.

— Да. Я был настойчив, и через два года он меня взял.

— Ты просил его каждый день в течение двух лет?

Ким не без удовольствия подметил нотки удивления в голосе Грид.

— Да, но это небольшой срок. Тот случай, когда желание сильнее времени.

Люмусы вспыхивали желтым, голубым, зеленым, окружали Кима со всех сторон. Он готов был поклясться, что уловил в их глазах снисхождение.

— И как ты пришел к музыке?

— Отец жаждал обнаружить во мне талант и пробовал мои силы во всех возможных науках и искусствах. До скрипки мы дошли не сразу, где-то на пике его легкого разочарования, — рассмеялся Ким. — Но с тех пор... я определенно его гордость, а любая скрипка в моих руках звучит чуть ярче и громче.

— И отец так легко тебя отпускает?

— Да, он говорит, что любовь — это свобода. Я оставил ему музыку. Сочинил для него, и звучать она может только на территории Карьянга.

— Вот как? И мне ты ее не сыграешь?

— Простите, Грид. Нет. Каждый город задавал этот вопрос.

Ожидаемо гривы люмусов полыхнули красным. «Каждый город» — не лучшая фраза в разговоре с Грид, но Ким готовил почву для следующего предложения.

— Зато каждому городу я написал его собственную музыку. Могу сыграть Вам мелодию Инсбурга, Тальяды, Клейтенга, Маниллы, Оренха.

— Не надо мне ничего играть. Они мне все неинтересны.

— Понимаю...

— Что ты можешь понять?

— Я потерял страсть к музыке. Мне все теперь неинтересно.

— Прямо все?

— Я приехал в Гриддинг в поисках вдохновения. Вы моя последняя надежда. И если здесь я не смогу снова играть, как прежде... Хотя уже смог... Не сдержался, только увидев Вас; руки сами потянулись к скрипке...

Пусть бы все люмусы погасли, Ким точно знал: его слова достигли сердца надменной Грид, и она сказала то, к чему так упорно вел музыкант.

— Что ж, сочини для меня музыку, сын Карьянга. Сколько тебе нужно времени?

Ким недолго молчал, но пауза была необходима. Казалось, под ногами он чувствовал вибрирующее ожидание города.

— Чтобы написать музыку для отца, мне потребовалось много лет. А для некоторых, вроде Тальяды, я написал вальс за один день.

— От чего это зависит?

— Чтобы написать музыку для города, я должен его почувствовать, составить полное впечатление о его манерах, характере.

— Тальяда так тебя очаровала?

— Наоборот, она понятна с первого дня. Я уехал на следующий.

Грид рассмеялась.

— Ну иди, скрипач, отдыхай. Тебе предстоит прожить здесь точно не один день.

Гриддинг был поистине самым красивым городом, Ким убеждался в этом каждое утро, отходя в море и наблюдая

за пробуждением Грид. До позднего вечера он стирал ноги в кровь, гуляя по набережным у подола ее пышного платья, штурмуя бесконечные лестницы жилых кварталов, покоряя самые высокие здания, лишь бы оказаться чуть ближе. Грид никого не пускала выше груди — ее плечи, шея оставались нетронутыми человеком. И Ким завидовал океану, когда тот убаюкивал ее шумом волн, ветру, который касался ее волос, но больше всего, конечно, люмусам, которые в ночное время собирались светыщимся ожерельем вокруг ее тонкой шеи.

— Ты уже неделю здесь и ни одной ноты не выдал, — с обидой высказала Грид.

Однако ни один люмус не покраснел, она лишь делала вид, что сердится, самой же, наоборот, было приятно, что она настолько трудна для понимания.

— Ты мало спишь, плохо ешь и слишком много гуляешь. Вот что, играй свою музыку там, где найдешь вдохновение. А для меня напишешь, когда придет время.

Ким только этого и ждал. На следующее утро он окутал Гриддинг восторженной симфонией. Она сказала: «Играй там, где найдешь вдохновение», — и Ким играл везде. Его первый уличный концерт отзвучал на маленькой площади под тенистыми деревьями, где бодрые ноты смешались с запахом цветущей настурции и ароматами, доносящимися из кофейни напротив. Этюды прошли по улочкам города, заставляя жителей гостеприимно открывать окна. Соната охватила пояс Грид, а вечерняя симфония сложилась прямо на груди, рядом с кулоном-колизеумом.

Женщина-город была непредсказуема. Отец менял местами чаши раз в пять лет, Грид же меняла положение колизея чуть ли не каждый день: то он играл роль массивного перстня на указательном пальце, то величаво располагался на запястье, то становился кулоном, а иногда она делала из него заколку для волос — в такие дни, конечно, все запланированные мероприятия отменялись.

— Хочешь дать концерт в коллизее? — задавала она вопрос, ответ на который был очевиден, и смеялась над одержимым ее красотой скрипачом.

— Ну, расскажи мне о Мэнгхилде, как он поживает?

— Сыграй музыку, которую написал для Тальяды, — требовала Грид.

— Где ты пил самое вкусное вино? — люмусы уже давно не горели красным при Киме.

— Начни сначала, и больше подробностей, — Грид в точности повторила просьбу Карьянга.

Именно послание отца помогло Киму привлечь ее внимание, а дальше дело было за ним и его историями. И пускай Грид была лишь каменным городом, у нее была женская натура. Ким покорила ее безумной влюбленностью в ее архитектуру, в людей, заинтересовал рассказами о прошлой жизни, богатой на встречи с другими городами, которых Грид не видела так давно. Он вызвал в ней сочувствие, заинтриговал обещанием написать особенную музыку и, конечно, должен был хотя бы на миг заставить почувствовать сходство с ним самим.

— Всю жизнь я считал музыку своим предназначением. А если этот дар меня покинет? Как можно жить, когда ты потерял то, ради чего существовал?

Грид долго молчала, а Ким сторал от нетерпения. Что могла ответить ему бывшая столица Ратийской долины, потерявшая свое предназначение и живущая отшельницей в эпицентре морского одиночества?

— Знаешь, Ким, если некто все еще жив, значит, и предназначение у него найдется. Иногда обстоятельства меняют мечты и планы, иногда мы сами остываем к тому, что раньше казалось делом всей жизни. Предназначение может измениться.

— Не знаю... — Ему нужны были рассуждения Грид, в голосе которой уже слышалась ностальгия.

Люмусы горели слабым сиреневым светом.

— А я знаю. Раньше я думала: политика — вся моя жизнь. Меня ничто не интересовало больше.

— Я не хотел коснуться этой темы, простите меня, — спохватился Ким, но Грид была окутана теплотой и доверчивостью летней ночи и не заметила лжи в голосе скрипача.

— Карьянг всегда был на моей стороне... Но мы проиграли. Я решила уйти, потому что никогда бы не смирилась со статусом раскоронованной столицы. Но не сразу обрела покой, и, хотя не позволяла себе стонать от боли, пугая собственный народ слабостью, я долго страдала.

— Хотелось уйти под воду?

— Хотелось... Но потом я нашла себя в другом. Теперь я мировая столица искусства, — рассмеялась Грид.

— Ты очень сильный город...

— Причина не только в силе, еще и в сердце. Найди, Ким, где скрыто мое сердце, тогда поговорим...

— Как я найду?

— Ты же сам сказал, жители всегда чувствуют, где именно спрятано сердце города. Когда найдешь, тогда ты поймешь, почему я не ушла под воду.

И Ким отправился на поиски сердца города. Теперь, привлекая жителей своей музыкой, он непременно общался с ними.

— Сердце Грид спрятано в одной из церквей нашего района, — гордо заявляли одни.

— Оно здесь, прямо под большим мостом, — нашептывали другие.

В колизее, в том кораблике, которым она умывается, в картинах ЖаБоля, в заповедной бухте, должно быть, где-то у нее в волосах — одно было понятно: жители не знают, где спрятано сердце города. И Ким не разгадал бы загадку, если бы не знал наверняка... Если бы не за этим ступил на землю Гриддинг...

— Говорят, город должен хотя бы на сутки принять человеческий облик и приложить руку к тому предмету, которому

отдаст свое сердце. Символ отца — Храм Желтого Дракона. В те годы, когда его возводили, отец принял облик одного из рабочих и собственной рукой заложил камень в основание храма, тем самым передав ему свое сердце. Я знаю и про другие города. Главный символ Тальяды — театр оперы и балета, а символ Мэнгхилда — собор святой Марии, сердце Маниллы спрятано в красной башне, а Инсбурга — в главном фонтане. Но твое сердце, Грид, у тебя. Ты так его никому и не отдала.

— Я всегда считала это глупостью. Скажи мне, что остается на том месте, где было сердце? Пустота...

— Но у Гриддинга нет символа...

— Я сама свой символ! Мои люди — символ. Было бы странно, если бы я решила их потопить.

— Я согласен, Грид. Будь я городом, я бы никому и ничему не отдал свое сердце. Но я всего лишь человек...

— И что же?

— И мое сердце сгорает.

— Твое сердце отдано музыке.

Ким промолчал, посеяв внутри Грид сомнения.

И снова потянулись теплые летние дни, наполненные меланхоличными симфониями. Ким писал музыку, но не скрывал от Грид своего разочарования:

— Все, что я пишу, — не то! Все пустое!

— Ты творишь красоту, вплетаешь свой голос в узор вечности.

— Что будут вспоминать обо мне после моей смерти спустя сто лет? Двести?

— Твою музыку, Ким.

— Простая музыка не живет долго. Лишь шедевры познают вкус вечности. А у меня в запасе лишь один — симфония для отца.

— Для меня ты так ничего и не сочинил, — с обидой высказала Грид.

— Вся проблема во мне. Я допустил страшную ошибку...

— Какую же?

— Отдал свое сердце городу, посмеив мыслить о нем как о человеке.

— Не понимаю...

— Понимаешь, Грид. Я бы никогда не отдал свое сердце смертному человеку, в страхе потерять его. Но я влюбился в город, и он никогда не сможет подарить мне настоящую взаимность.

— Я все равно не понимаю...

Надменная Грид хотела услышать конкретные слова, дразнила Кима своей притворной глупостью.

— Я влюблен в Тебя, Грид. Каждое утро я ухожу в море, чтобы увидеть не какую-то отдельную часть, а всю Тебя. И тогда внутри меня рождается музыка. А потом я вспоминаю, что никогда не смогу коснуться Тебя, увидеть маленькой женщиной рядом с собой. И все внутри замирает в томительном, изнуряющем молчании. Я полный идиот! Влюбился в город, который никогда не будет моим!

— Глупости, Ким! Остынь! — холодно рассмеялась Грид. — Знаешь, сколько таких речей я слышала? Да каждый художник влюблен в меня! Каждый мечтатель! Все они говорят твоими словами!

— Вот как? — В одно мгновение Киму стало плевать на все правила приличия, он бы и хотел сдержат прорвавшийся наружу гнев, но насмешки Грид, сравнения «с каждым художником» ослепили его. — Пускай Ты самый красивый город из всех существующих в мире, но вместе с тем самый жестокий! Знаешь, почему Ты никому не отдала свое сердце? Не потому, что это глупость! А потому, что Ты бессердечная, нет у Тебя никакого сердца! Завтра же я покину Гриддинг! И каждый день своей жизни буду посвящать тому, чтобы забыть Твои проклятые мраморные лестницы, Твой колизей, Твои темные глаза... И люмосов Твоих!

Ким бросился со всех ног вниз, к гостинице. Судорожно собирал вещи, готовился к отплытию, купил билет на отходящий поутру корабль. Но... остался. Лишь заперся в комнате и

не выходил из нее трое суток. Он бы так и изморил себя голодом, если бы Грид не пошла на примирение. Крылатый лев, вскочивший на подоконник, сиял желтым. Ким тяжело поднялся с кровати и, даже не подумав привести себя в порядок, растрепанный, помятый и небритый поплелся за люмосом.

— Хочешь поглумиться надо мной, ледяной город? Хочешь узнать, почему же я не уплыл?

Теперь, когда Грид первая пригласила его на разговор после столь грубой выходки, Ким больше не боялся.

— Нет, глупый скрипач. Я хочу сказать тебе, что если решил остаться, то дай концерт в колизее через месяц. Будет день города.

Ким заметно оживился.

— Ты хочешь, чтобы я сыграл в Твой день?

— Я уже сказала это.

— Так же, как и я сказал о своей любви, но Ты вынуждала меня говорить об этом все больше, пока не разорвала мое сердце в клочья.

— Хочу, чтобы ты дал концерт в мой день, Ким, — смягчилась Грид, — но вся музыка должна быть новая.

— Я напишу... Спасибо, что оставила мне шанс на жизнь рядом с Тобой.

Красивые слова, горячая влюбленность, болезненные страдания — это не подействовало бы на город, который уже отдал свое сердце. «Но сердце Грид все еще у нее, никогда не забывай, что она женщина и она страшно одинока», — говорил отец, и Ким все усвоил.

Через месяц он с оглушительным успехом дал концерт в колизее. На полученный гонорар купил небольшой домик на одном из верхних ярусов юбки Грид и стал полноправным гриддингцем. Но, охваченный славой и народной любовью, Ким был словно соткан из неугасимой тоски, а Грид, заявив, что их общение переходит все разумные границы, перестала посылать за ним люмосов, сократив ночные беседы до одной в месяц.

— Как идет твоя жизнь, Ким?

— Ты даже не наблюдаешь за ней, так?

— Невежливо отвечать вопросом на вопрос.

— Я не собираюсь быть вежливым, Грид. Ты терзаешь меня, но я не могу Тебя покинуть. Видимо, Тебе неведомы такие мучения. Знай, это очень и очень паршивые ощущения.

— Тебе мало жить на верхнем ярусе? Мало признания, денег? Мало концертов в колизее? Ни один человек не удостоивался чести выступить в нем так часто! Но тебе всего мало!

— Да мне всегда всего будет мало, Грид. Потому что это все не то, что мне нужно!

— Обзаведись семьей, Ким! Я подыщу тебе достойную гриддинку.

— Иди под воду, Грид, с такими предложениями!

Ким не знал, насколько далеко можно зайти в разговоре с Грид, но она пропустила и эту фразу. А значить это могло лишь одно — ей нравились мучения Кима и она в них поверила.

Пусть найдет ему жену, Ким сбежит от нее прямо перед алтарем. Он будет творить сумасшедшие поступки, будет покорять Грид год за годом до тех пор, пока она не сдастся, как это сделал Карьянг.

Но как бы она ни была неприступна, как бы Ким ни был упрям, все решилось самым неожиданным образом.

Холодный северный ветер растрепал прическу Грид, возвестив о наступлении зимы. И Ким уже третий раз наблюдал за тем, как женщина-город заплетает волосы в косу, накидывает на плечи серебристую туманную дымку, покрывает городские каналы хрупкой корочкой льда, наполняет улицы запахом елей, воска и грядущего Рождества.

Выросший под лучами восточного солнца, Ким первые два года страдал от простуд, но в этот раз недуг обошел его стороной, он свикся с необходимостью носить шерстяные шарфы и спасаться горячим вином.

— Я написал музыку зимы, слушаешь?

В последний год Грид неохотно вела беседы с Кимом, она все еще обижалась на него за выходку у алтаря: «Ты посмел обидеть гриддинку! Как ты мог поступить так подло? Не собираюсь прощать подобного!»

Ким взял в руки скрипку, замерзшими пальцами впился в струны, стиснул зубы в ожидании позволения.

— Ну... давай, — в нарочито скучающей манере бросила Грид.

Все начиналось с вкрадчивых осторожных аккордов, точно так Ким ступал на скользкие улочки города в первые дни заморозков. Чтобы добиться резкого порыва ветра в звучании, Ким резко прижал смычок и скользнул по струнам, не ослабляя нажима. Музыка полилась всеми оттенками зимы, в ней были и одинокие вечера, и раннее рождественское утро, и скрип снега, и красные яблоки, украшавшие еловые ветви. Ким старался вместить все, сохранив при этом гармоничное и последовательное звучание. Не проживи он в зимнем городе, никогда бы такого не сочинил.

— Интересно.

— Это все?

— Пожалуй.

Казалось, зима замораживала и отношения с Грид. А может, Ким просто ошибся, может, ему померещился мелькнувший в снегу белый люмус. И даже музыка теперь не могла сделать голос ледяного города теплее и мягче. Не помня себя от разочарования, Ким спустился к нижним ярусам, туда, где в выходные дни декабря было немногочленно: и гриддингцы, и сама Грид были заняты украшением исторического центра, раскинувшегося чуть выше ее талии. Женщина-город, вероятно, нарочно не смотрела в ту сторону, куда ушел Ким, и потому упустила случившееся несчастье.

Мрачные думы Кима рассек женский крик. Дети украшали перила моста красными бантами, когда один из мальчишек неосторожно высунулся в пролет, чтобы повесить бант ниже всех, и упал, тут же провалившись под хрупкий лед.

Ким не думал ни секунды, он не готов был стать свидетелем сто двадцать пятой смерти.

Скрипка полетела в сугроб. Животом Ким прокатился по колючему льду. Шарф горчичной лентой метнулся в сторону мальчишки. Все в жизни Кима встало на паузу и свелось к красной шапке и испуганным синим глазам.

— Не паникуй. Протяни руку к шарфу.

Страх и ядовитый холод воды не давали сказать ребенку ни слова. Ким полз вперед осторожно, медленно. Только бы не случилось с ним номера сто двадцать пять... Оказывается, он боялся этого числа всю свою жизнь.

— Возьми шарф, и я подтяну тебя.

И тут красная шапка вслед за синими глазами скрылась под водой.

Где-то далеко слышались крики, хрустел лед, а потом вмиг все звуки перестали для него существовать. Вода обхватила Кима в смертельной прелюдии. От жгучего холода дыхание сковало, пульс увеличился, и паника свинцовой хваткой сжала внутренности.

Сто двадцать пять. Действовать нужно было быстро и решительно. Ким сосредоточился, заставил себя забыть о страхе и смотреть в непроглядную темноту воды. Одежда отяжелела и потянула вниз. Ким почувствовал, как новый приступ паники сжимает грудь, вынуждает сделать вдох. Он замер, перестав шевелиться. Лишь Провидение помогло ему уловить движение в темной воде и мгновенно среагировать. Пальцы сами нащупали опустевшую шапку, Ким устремился ниже и ухватил мальчишку за волосы.

Когда они вдвоем оказались на берегу, многие уже сбегались к злосчастному каналу. Люди хлопали, благодарили Кима. И теперь он стал не только любимым артистом Гриддинга, но и его героем.

Ночью люмусы явились за Кимом, приглашая его к Грид. Он шел к ней с нетерпением сердца, ожидая благодарности, и,

конечно, ее получил. Грид подарила ему целую ночь разговоров, как в предыдущие два года. Она извинилась за то, что была столь холодна к его музыке, сообщила, что ей безумно понравилась написанная им зима. И, конечно, тут же простила ему разбитое сердце гриддинки. Они распрощались лишь под утро.

Вернувшись домой, Ким почувствовал недомогание и все связал с недосыпом. Он выпил горячего вина и лег в постель.

Сон могильной плитой навалился на Кима. Все вокруг стало тягучим и вязким. Рассвирепевший Карьянг встал на ноги, наступил пяткой на грудь и давил, а Ким все никак не мог умереть. И когда он вновь оказался среди кочевников, и они разжигали костер прямо у него на сердце, Ким кричал от боли, кашлял кровью, но не мог умереть. Липкое нечто окутало ноги и руки, прижалось к спине. Должно быть, одеяло, потому что простынь запуталась где-то в ногах. Она была холодной и тянула его вниз, куда-то под лед, в темную пучину вод, где он искал красную шапку парнишки.

Лицо лекаря возникло прямо перед ним.

«Воспаление легких».

Это ли заказ на новую симфонию?

Люмусы с белыми гривами сновали по его постели, но Ким никак не мог вытащить себя из сети кошмарных сновидений, и ему казалось, это никогда не кончится. Тогда он шепотом попросил люмусов о смерти, сказал, что внутри груди слишком больно и дышать едва возможно. И крылатые львы исчезли.

Когда Ким открыл глаза, долго не мог понять, где находится, пока не узнал собственную спальню. Кто-то вздохнул рядом.

— Ну вот, господин Иль, вот мы и вытащили вас из лап смерти. — Лекарь положил руку на лоб Кима. — Теперь пойдите на поправку.

— Что случилось?

— Если бы не ваша жена, так бы и умерли, не приходя в сознание. Лихорадило вас серьезно.

— Нет у меня никакой жены...

Лекарь рассмеялся.

— Долго же вы морочили головы нашим девушкам, все вас холостяком считали.

— Я не женился на ней, или все успели позабыть?

— Вы о несчастной Ребре? Нет, ваша настоящая жена прибыла вчера вечером на корабле из Мэнгхилда. И привезла с собой чудесное средство. Мне оно ранее было неизвестно.

Ким попытался встать с кровати, но головокружение одолело его.

— Выпейте это, — лекарь протянул ему рюмку настойки, — сразу полегчает. Ну а я, пожалуй, оставляю вас. И спасибо вам еще раз за спасение сына.

— Это был ваш сын? Он не заболел?

— Нет. Это вы у нас не привыкли к зиме, вот организм и не справился с переохлаждением.

Ким подождал, пока лекарь покинет спальню, усилием воли поднял себя с кровати и отправился в ванную. Интересно, переживала ли за него Грид? И как долго он болел? Главное сейчас, сообщить, что его неизвестно откуда взявшаяся жена — какая-то глупая ошибка. И тут Ким остановил взгляд в зеркале, возникшая мысль испугала его, вознесла к вершинам счастья и разбилась о страх невозможности.

Где-то в гостиной звякнула посуда. По-видимому, неизвестная жена была там.

Ким стремительно нацепил мятую рубашку, тщетно пытаюсь разглядить ворот, долго искал ремень от брюк. Если она не та, о ком на миг посмел подумать, он умрет на месте от разочарования. Неужели он так заигрался, что действительно стал испытывать то, что не должен был? Или это последствия болезни, расшатавшаяся нервная система?

Ким осторожно открыл дверь в гостиную. Стол был накрыт на двоих. Заваренный чай, свежий хлеб, томаты и оливки в блюде, топленое масло, морковный кекс. Ким развернулся,